

«Болт» не для балерин

Светлана НАБОРЩИКОВА

Театральный Музей им. А.А.Бахрушина вновь подтвердил репутацию одного из самых интересных балетных центров столицы. На этот раз музейщики совместно с Обществом друзей Большого балета пригласили прима-балерину Большого Светлану Захарову. Встреча, проведенная критиком Ярославом Седовым, стала дебютом в разговорном жанре. Ранее артистка предпочитала беседы тет-а-тет с журналистами, а вот теперь решилась рассказать о себе при полном зале поклонников.

Пожалей меня, мама

Тему трудного балетного детства и юности балерина развила в трогательных подробностях. Рассказ об обучении в Киевском хореографическом училище, вдали от мамы, оставшейся в Луцке, и жизни в интернате, где в комнате обитали еще семь девочек, растопил самые суровые сердца. Победив на ученическом конкурсе «Ваганова-при» и попав в петербургскую школу, Захарова пережила еще одно потрясение, на этот раз приятное: «Я ходила и трогала стены — не могла поверить, что я там, где учился цвет русского балета, и не могла понять, почему остальных это нисколько не трогает». Тогда же Захаровой стало ясно, что при удачном стечении обстоятельств она и сама может приобрести к «цвету». Свой первый балет «Жизель» девушка станцевала в 17 лет, наряду с радостными эмоциями ощутив тяжкий груз ответственности: «Я знала, что должна рассчитывать исключительно на свои силы. Ко мне никогда не относились, как к девочке, которой по молодости можно что-то простить. Мне словно дали понять — коль ты пришла, то демонстрируй высший класс. Считалось, что я крепкая, хотя на самом деле каждое движение давалось мне с большим трудом». Однако к журналистам, судившим дебютантку по всей строгости балетных законов, балерина претензий не имеет. Напротив, думает, что критика стала для нее стимулом держать планку и не давать себе поблажки. Что касается сочувствия, то его в жестком мире балета быть не может. «Да, я уставала и хотела, чтобы меня пожалели, но все равно, кроме мамы, меня никто никогда не жалел», — подытожила Захарова свою восьмилетнюю жизнь в театре.

Арена лебедей

Мечте балерин — «Лебединому озеру» — было уделено особое внимание, тем более что Захарова настоящая рекордсменка. В ее активе девять версий самого популярного балета мирового репертуара. Накануне она танцевала в Большом спек-

такль Юрия Григоровича и выплеснула столько адреналина, что не спала до шести утра. А наиболее экстравагантным прочтением прима считает лондонское, исполненное с Английским национальным балетом, в Алберт-холле. Самое необычное в этом спектакле — цирковая арена, вокруг которой расположены места для 6 тысяч зрителей. Декораций нет, и когда придворным требуется сесть, выносятся скамеечки. По словам артистки, зрелище столь же приятно для зрителей («64 лебедя плюс отличная акустика»), сколь трудно для танцовщиков — «танцевать приходится не в одну точку, как в обычном зале, а во всех направлениях, чтобы все могли разглядеть». Выяснилось, что разнообразие версий ее нисколько не тяготит. Правда, иногда она путается на репетициях, не зная куда бежать и где остановиться. Но зато имеется возможность по-хозяйски распорядиться накопленным материалом. В частности, красивые позы, изобретенные Бурмейстером, можно без ущерба для содержания перенести в другие редакции. «Лебединое» Григоровича ей тоже нравится, хотя с его автором она не знакома. На вопрос, кто из героинь ей легче дается, Одетта или Одиллия, артистка без колебаний выбрала Одиллию: «С ней все понятно. Вышла, глаза горят, есть оп-

петиторы подкидывали какие-то идеи, я их перерабатывала, но мне постоянно чего-то не хватало, и только с его появлением все встало на свои места». О том, что накануне премьеры в Большом царил полный раздор, Захарова рассказала честно: «Оставалась неделя до спектакля, а все рассыпалось. Солисты болели, деревья шли не туда, кровать, которая должна была уезжать за кулисы, не уезжала, занавески падали, и вообще происходило что-то невероятное. Джон, увидев это, пришел в ужас. После прогона он был абсолютно белый, собрал всех в зал и начал буквально с азов объяснять, что надо делать». По мнению Захаровой, то, что балет все же удалось дотянуть до кондиции, — заслуга Ноймайера: «Не только мне, но и всем ребятам очень хотелось ему угодить». Особо же радуется балерину личное одобрение хореографа. Из ее слов следует, что она и ее педагог Людмила Семеняка были единственными, кто удостоился похвалы: «Он посмотрел нашу репетицию и сразу сказал, что мы на правильном пути».

Светлый путь

Последняя премьера Большого «Сон в летнюю ночь» далась Захаровой непросто, но о сотрудничестве с Джоном Ноймайером прима говорила с нескрываемым восторгом: «Он гениальный! Это лидер, которого хочется слушать, открыв рот. Это редкость, чтобы с хореографом так хотелось работать, делать то, что он скажет, а не предлагать какие-то свои пожелания. Он настолько хорошо, до мельчайших подробностей объяснил роль, что не исполнить ее было невозможно. До приезда Джона ре-

Друзья Большого балета расспросили Светлану Захарову

ределенная цель — овладеть принцем, а это всегда проще, чем играть чистоту и незащищенность».

Коварная Мариинка и лучший в мире Большой

На этот раз балерина, прежде осторожно высказывавшаяся по поводу своего ухода из Мариинского театра, была откровенна. Досталось, в частности, арт-директору петербуржцев Махмуду Вазиеву. Оказалось, что по старой советской традиции он скрывал от Захаровой приглашения на личные гастроли. Например, она так и не съездила в Рио-де-Жанейро, к Наталье Макаровой. Дальше — хуже. «Меня начали наказывать, — пожаловалась артистка, — я уехала в Лондон готовить «Лебединое», а в это время меня сняли с премьеры «Баядерки». Приглашения приходили, но Вазиев говорил: кого угодно берите, только не Захарову. Все делалось для того, чтобы меня как можно меньше знали». На обывательский взгляд, директор заботился о трудовой дисциплине, но, с точки зрения танцовщицы, это радение выглядело ограничением творческой свободы. За ней она и отправилась в Большой. На прощание Захарова сделала родному театру подарок, вынесла на своих плечах британские гастроли: «Там

петиторы подкидывали какие-то идеи, я их перерабатывала, но мне постоянно чего-то не хватало, и только с его появлением все встало на свои места». О том, что накануне премьеры в Большом царил полный раздор, Захарова рассказала честно: «Оставалась неделя до спектакля, а все рассыпалось. Солисты болели, деревья шли не туда, кровать, которая должна была уезжать за кулисы, не уезжала, занавески падали, и вообще происходило что-то невероятное. Джон, увидев это, пришел в ужас. После прогона он был абсолютно белый, собрал всех в зал и начал буквально с азов объяснять, что надо делать». По мнению Захаровой, то, что балет все же удалось дотянуть до кондиции, — заслуга Ноймайера: «Не только мне, но и всем ребятам очень хотелось ему угодить». Особо же радуется балерину личное одобрение хореографа. Из ее слов следует, что она и ее педагог Людмила Семеняка были единственными, кто удостоился похвалы: «Он посмотрел нашу репетицию и сразу сказал, что мы на правильном пути».

Пощечина — источник вдохновения

На сегодняшний день Захарова единственная русская танцовщица, постоянно выступающая в Парижской опере. С цитатой французского балета у нее связано немало приятных воспоминаний. Здесь Пьер Лакотт передал ей похвалу Михаила Барышникова, о чем присутствию в зале она не знала. Конечно, ей было бы приятно, если бы Барышников сам пришел за кулисы, но она знает, что Миша никогда не поздравляет коллег лично.

В Париже она уже станцевала «Баядерку», «Лебединое озеро», «Жизель» и совсем недавно, этой осенью, «Спящую красавицу» — все в постановке Рудольфа Нуреева. Нуреевские спектакли, нелюбимые в России за громоздкость и сумбурность, нравятся ей роскошью костюмов и декораций. «Ничего подобного я не видела», — призналась балерина, объездившая почти все сцены мира. Правда, это великолепие доставляет танцовщикам много проблем. Роскошные, с парчой и каменьями костюмы столь же красивы, сколь тяжелы и неудобны: «Когда я впервые их надела, то даже не поняла, как в них можно танцевать», — вспоминала Захарова свой дебют в «Баядерке», — головные уборы такие, что голова не поворачивается. А кавалерам, бедным, какая нагрузка! Попробуй-ка поднять партнершу со всеми ее украшениями». Но чего не сделаешь ради искусства. Можно даже стерпеть публич-

ЕКАТЕРИНА БЕЛЯЕВА

ное избиение, также имевшее место в парижской практике балерины. В сцене, где аристократка Гамзатти дает пощечину балетке Никии, французская солистка с таким удовольствием хлестала нашу прима, что у той выступили слезы. Однако обижаться было нельзя — оказывается, так хотел Нуреев, требовавший от танцовщиц игры всерьез. Зато Захарова оценила умение Рудольфа добиваться соответствующей реакции: «После такого действительно хотелось схватиться за кинжал, что я от всей души и делала».

Любовь и борьба

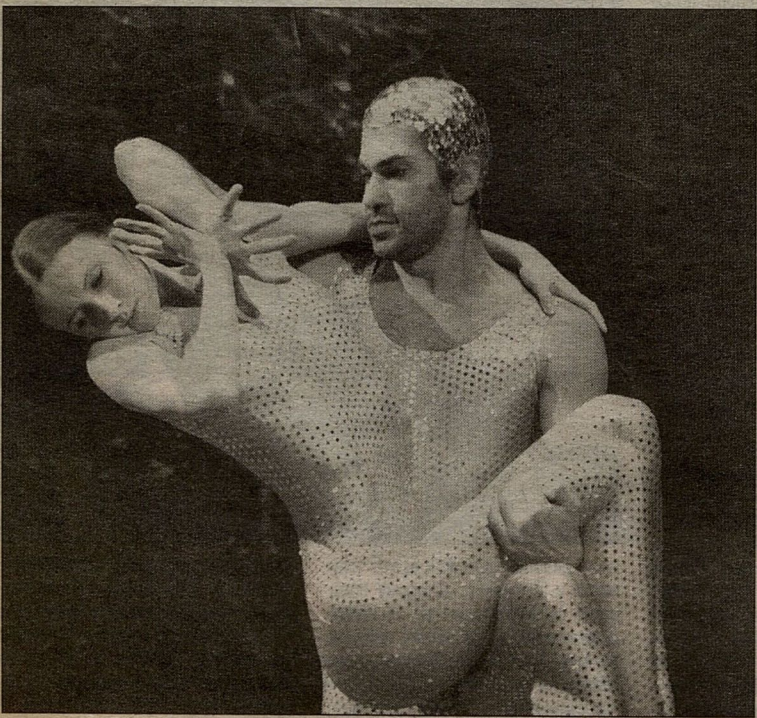
Главные люди в жизни балерины — партнеры и репетиторы, и Захарова здесь не исключение. Артистка отнеслась традиционные благодарности своему петербургскому педагогу Ольге Моисеевой и московскому — Людмиле Семеняке, но с особым пристрастием обсуждала тех, с кем выходит на сцену. Выяснилось, что единственный кавалер, сумевший заставить ее заплакать от любви, — француз Лоран Илер, с которым она танцевала «Жизель» в Парижской опере. А вот русские партнеры пока не добились от примы аналогичного отклика. Ближе всех к искомому результату подошел премьер Большого Андрей Уваров, хотя поначалу между ними происходила драматическая борьба самолюбий. Захарова, привыкшая к покладистым мариинским мужчинам, неожиданно для себя открыла самоценного московского героя: «Все, что я говорила, ему не нравилось. На все мои просьбы он отвечал, что у них так не принято. Дошло до того, что мы наорали друг на друга, и он сказал: еще одно слово, и ты меня в зале не увидишь». К счастью, вмешалась мудрая Семеняка, и отношения потихонечку выровнялись. Премьер осознал, что

девушке надо иногда уступать, а прима уяснила, что партнер не только носильщик. «Сейчас у нас очень хорошее партнерство, — радуется Захарова, — я слушаю его, он меня, у нас есть единство устремлений — то, чего я всегда желала».

«Болт» не для балерин

Беседа о планах началась с дежурного вопроса: не хочет ли балерина попробовать себя в драматическом театре? «Не хочу», — отрезала Захарова, — это делают те, кто уже чего-то не может в балете». 25-летняя артистка пока может все. Главное, чтобы не иссякал поток предложений. До конца сезона она намерена дебютировать в партиях Раймонды в одноименном балете и Эсмеральды в «Соборе Парижской Богоматери». Из репертуара Большого ей также интересна «Легенда о любви», где она видит себя сразу в двух ролях — Ширин и Мехменз Бану. А вот в запланированных на этот сезон премьерах она выступать не будет. В мае, когда ожидается премьера балетов Леонида Мясина, уезжает на гастроли. В «Болт», заявленный на 25 февраля, ее не пригласил Алексей Ратманский. Такое отношение для нее обидно, тем более что она собиралась танцевать в новой постановке и даже отказалась от ряда приглашений: «Но Ратманский мне сказал, что Захарова и «Болт» — вещи несочетаемые, в нем нет партии для балерины, это мужской балет. Притом что спектакль очень дорогой. Много денег затрачено, будут спецэффекты. Спрашивается, зачем?».

Действительно, зачем тратить деньги, если нет намерения показать во всем блеске великолепную прима? Но этот вопрос друзья Большого балета должны адресовать непосредственно худруку Ратманскому.

ЕКАТЕРИНА БЕЛЯЕВА

Захарова Светлана
15.02.05